

Е.Г. Степанян

Елизавета Сергеевна, человек Божий

Краткий рассказ

Для тех, кто помнит Елизавету Сергеевну, самый ранний связанный с нею эпизод относится к году 1912, может быть 1913. Дело было в Одессе. В меру состоятельная публика веселилась в парке. Революции отгремели, о том, что бывают мировые войны даже не подозревали. Кто-то затеял конкурс на красоту глаз, и прекрасным серо-голубым глазам Елизаветы достался первый приз. Была ли она в то время уже Мелик-Наджаровой? Несомненно. Только с дозволения мужа столь скромная особа отважилась бы принять участие даже в таком невинном конкурсе. Девице это было бы недопустимо. Выставлять напоказ свою красоту все равно, что выставлять себя на продажу.

Муж Елизаветы Сергеевны принадлежал к старинному роду, некогда владевшему изрядной частью Карабаха. Самыми крупными владельцами были Мелик-Шахназары, Мелик-Наджары были вторыми. После вхождения Карабаха в Российскую империю их статус значительно понизился. Дворянами в российской империи были только православные, и титул Меликов превратился просто в красивый звук. Но доходов им все равно хватало, а Сергей Мелик-Наджаров, муж Елизаветы, был, как выражались в те времена, блестящим инженером и взглядов придерживался самых передовых. Был поклонником Маркса, ратовал за всеобщее равенство и справедливость, но конечно же – путем преобразований, а не революций и войн. Война все же разразилась. А вслед за ней началась революция.

После казни бакинских комиссаров в городе началась кровавая вакханалия. Он одиннадцать раз переходил в разные руки, но Мелик-Наджаровы, не дожидаясь исхода бойни, бежали с дочкой Розочкой морем в Астрахань, которая была под властью белых.

Там их узрел дальний родственник Елизаветы Сергеевны и сообразил, что, покидая город, они прихватили с собой все фамильные драгоценности. И у него созрел уникальный план. Он написал местным властям донос, что прибывший из Баку Мелик-Наджаров является активнейшим членом партии большевиков и прибыл в Астрахань с соответствующим заданием. Того немедленно арестовали. На выяснение его дальнейшей судьбы был отправлен предприимчивый родственник. Елизавета боялась, что если она заявится в крепость, то ее тоже арестуют – что же будет с ребенком?.. Вскороности родственничек заявился к Елизавете и объявил ей:

– Лиза, твоего мужа хотят расстрелять.

– !!!

– С ними можно договориться, но им надо что-то дать.

Елизавета немедленно вручила ему *что-то*. Через несколько дней это повторилось. Затем его визиты участились, а цена возрастала. Запасы таяли, Елизавета надеялась на чудо. Ее мужа тем временем приглашали к начальству, где произносилась одна и та же фраза: «Господин Мелик-Наджаров, я не могу понять, как Вы здесь оказались». – «Именно это я хотел спросить у Вас», – отвечал тот. «Но вот поступившее на Вас донесение». – «Я не могу его комментировать, не я его писал». – «Но я не могу Вас просто так отпустить. Помогите мне понять, какие основания могли быть у написавшего?!» – После чего Мелик-Наджарова отправляли в камеру, а написавший являлся за следующим предметом. Наконец красные взяли Астрахань и торжественно освободили всех политических узников.

Всю свою жизнь Наджаровы хохотали, когда вспоминали эту историю. В конце концов, их могли просто ограбить, но это было бы совсем не так весело.

Баку все еще оставался в руках интервентов. Но большевики занимали все новые территории. В городах Кавказа восстанавливались промышленные предприятия. Инженера Мелик-Наджарова принимали на них с распростертыми объятьями и изрядными продовольственными пайками.

Вокруг была разруха и голод. Пайки для немногих ценных кадров были настолько щедрыми, что их обладатели успешно обменивали избыток продуктов на ценные вещи. Елизавета Сергеевна все, что оставалось сверх пропитания семьи, раздавала голодным. Вскоре она пришла к выводу, что чем меньше съест лично она, тем больше достанется тем, кому совсем не вмогуту. Этого принципа она придерживалась до конца дней своих.

В Баку установилась советская власть, но возвратиться туда Мелик-Наджаров не мог, не завершив своих обязательств в Махачкале. На это ушел почти год. Когда семейство Наджаровых («мелики» навсегда остались в прошлом) добралось, наконец, до своего дома, они обнаружили, что их роскошная квартира наполнена самыми неожиданными людьми, явившимися из разных городов и деревень. Бывшему владельцу как ценному кадру, пострадавшему от белых, удалось все же получить какую-то территорию. Многие вещи, оставшиеся в квартире, исчезли бесследно, но новоявленные жильцы наперебой предлагали забрать то, что оказалось в их распоряжении. Но куда это ставить?

Елизавета Сергеевна умилилась тому, что вся ее одежда оказалась нетронутой, и тут же раздала большую часть соседкам. У тех совсем ничего не было.

Теперь приходилось делить с другими не только еду, но и кухню, и ванную. С едой все же было труднее. Жизнь налаживалась крайне медленно. Однажды Наджарова на работе премировали сверх программы мешком картошки. Он притащил его домой и сказал жене: «Лиза, нажарь мне полную сковороду, и я ее сейчас же съем. Потому что к завтрашнему вечеру ты все раздашь».

Все, с кем судьба сводила Елизавету Сергеевну, делались ей дороги как самые близкие родственники. Она вникала во все их беды и горести. Мирила тех, кто поссорился, помогала распутать самые сложные житейские ситуации. Помогала находить подходящую работу.

Подходящих невест и женихов. Помогала медицинскими и юридическими советами, кругозор ее был весьма велик. Когда же ситуация оказывалась слишком трудной, Елизавета Сергеевна отыскивала наипервейших светил в нужной области, привозила к ним своих подопечных, и никто никогда не осмеливался попросить за это денег. Муж и дочь не были обделены ее любовью и заботой, а ко всем ее предприятиям относились с пониманием – у них просто была огромная родня.

Но инженер Наджаров все время ощущал уколы совести. Розочка подрастала и через год-другой ее пребывание в столь густонаселенной квартире должно было стать, по мнению отца, непереносимым.

В то время понемногу начиналось строительство жилья. Состоятельные граждане получили возможность участвовать в нем за свой счет, организовывались так называемые кооперативы, и строились они с размахом. Но денег в семье Наджаровых само собою не было и быть не могло. И тогда муж Елизаветы Сергеевны придумал хитроумный ход. Он облюбовал себе самую маленькую, самую плохонькую двухкомнатную квартиру, назанимал денег у кого только можно и поставил жену перед свершившимся фактом – долги хочешь-не хочешь надо отдавать. Елизавета Сергеевна поняла, что час пробил. Расплачиваться с долгами при их образе жизни означало умереть голодной смертью. И она поступила на службу.

Нужда в образованных людях в то время была очень велика. И все же ей положили такое большое жалование, что Наджаров даже удивился. А Елизавета Сергеевна ничуть. Ей очень нужны были деньги.

Так, занимая и перезанимая, они в конце концов расплатились с квартирными долгами, но сразу же нашлись новые, Елизавета Сергеевна всегда всем была должна.

Потом началась пора посылок – кого-то высылали, кого-то ссылали. Потом пришлось посылать в лагеря. 37-й год начался задолго до календарной даты. Шквал нарастал постепенно.

Наджаров почти перестал разговаривать. Ему казалось, что если он заговорит, то сразу начнет вопить. Его инженерное мышление не находило объяснения происходящему, но при том не могло не замечать целенаправленности этого безумия.

Между тем Розочка влюбилась в молодого директора завода, красавца собой. Мысль о свадьбе посреди *всего этого* не умещалась в голове Наджарова. К счастью, в то время считалось совершенно неприличным жениться раньше, чем через год-полтора с начала знакомства. Надо было получше узнать друг друга, проверить свои чувства. Жизнь продолжалась в разных направлениях.

И вот арестовали жену одного из Наджаровых и приговорили к десяти годам без права переписки. Муж и братья решили отправиться на ее поиски по всем известным им лагерям.

– Дети могут пожить пока у нас, – сказала Елизавета Сергеевна.

– Да ты понимаешь, что такое десять лет без права переписки?! Да ее давно уже нет в живых! – заорал Наджаров. – Ее уже расстреляли. Десять лет без права переписки! Они их для того придумали, чтоб людям казалось, что расстрелов хоть немного поменьше. Десять лет

без переписки! Газеты читать надо! Кому они дают эти десять лет без переписки? Женщинам в основном, как она, еще молодым, у которых дети.

В конце августа тридцать восьмого года прозвучала новость, от которой Наджаров подпрыгнул и ему снова захотелось жить. Сталин поставил над *всем этим* Лаврентия Берию. Этого человека Наджаров видел четыре раза, и тот произвел самое невероятное впечатление. Забыть его было невозможно.

Как и все спецы, Наджаров был должен проводить занятия со студентами Политехнического института. В 1922 году на них появился молоденький паренек, который одновременно занимал ответственные посты в партийных и чекистских структурах. Как он ухитрялся заниматься науками? На бегу? На лету? Но во время их нескольких бесед Наджаров был поражен объемом его знаний и глубиной и неожиданностью его вопросов. Вскоре его куда-то перевели, потом он стал Первым секретарем Грузии. Наджаров был очень раздосадован. Он не понимал, как это вяжется с наукой. И вот такая неожиданность.

Людей стали выпускать тысячами. Количество посадок заметно уменьшилось. Прекратилось истребление научных кадров, тем, кто продолжал сидеть, создавали максимальные условия для работы. – Только бы усатый снова не спятил, и сам бы его не сожрал, – думал Наджаров. Вопрос о психической вменяемости *вождя* был для него решен навсегда.

– Хорошо, что наш зять директор завода, – сказала Елизавета Сергеевна. – Их не берут на войну.

– Ты думаешь, что будет война?

– Не знаю. Мне все время снится, что началась война.

Еще в то время, когда Наджаровы переезжали на новую квартиру, они обнаружили во дворе своего дома старенький одноэтажный домишко, в котором обитало огромное разветвленное семейство. Вскоре они сделались предметом забот Елизаветы Сергеевны. Через пару лет у них родилась девочка Аллочка. Едва начав говорить, Аллочка стала называть Елизавету Сергеевну мамочкой, и любовь между ними возникла необычайная. Родная мать очень добродушно на это взирала. Когда Роза вышла замуж, Елизавета Сергеевна сказала Аллочке: «Ты теперь можешь жить у нас». – «Нет, мамочка, – отвечала та. – Если я пойду к вам, то я стану жить намного лучше всех наших, а это несправедливо».

С началом войны в городе почти прекратил существование весь транспорт. Жизнь еще больше усложнилась, времени ни на что не хватало. Аллочка изо всех сил оказывала своей мамочке всяческую помощь. И хотя у Елизаветы Сергеевны никогда не было ни привычки, ни времени думать о себе, она порой ловила себя на мысли, что без Алочки ей бы было крайне тяжело.

Однажды раздался звонок в дверь. На пороге стоял человек с огромной коробкой.

– Мамаша, вы меня наверно не помните?

– Помню-помню.

– А я вас век не забуду, вы меня когда-то так выручили. Это шоколад. Он, правда, побелел, но его вполне можно есть. Я знаю, вы все всем раздаете. У вас это получится лучше, чем у меня.

Потом он не один раз появлялся с чем-нибудь подобным. Нередко приходили и другие.

Часто на пороге стояли смущенные женщины со скромными свертками в руках. Елизавета понимала, что у них близкие на фронте и это делается ради них. Она говорила: «Миленькая, не надо ходить так далеко, это же сейчас очень трудно. Ты оглядись вокруг себя, и обязательно найдется, кому это отдать. И другим скажи, чтобы так делали».

После войны Сергей Наджаров целых восемь лет пребывал в состоянии непрерывного восторга. Достижения его мимолетного студента были для него так очевидны, что ради них стоило потерпеть любые трудности, а уж тем более финансовые, которые создавала Елизавета Сергеевна. Основная часть деятельности Лаврентия была непостижима инженерному мышлению, и при этом он ухитрялся курировать такие военно-промышленные проекты, что дух захватывало.

– Меня не хватает на то, чтобы этим всем восхищаться, – говорил Наджаров своим близким.

– А его хватает этим всем заниматься.

Но те, кто управлял безумием Сталина, преспокойно продолжали делать свое дело, а он сам с наслаждением им подыгрывал. В среде образованных людей накопилась чудовищная ненависть к *вождю*, и распространялась она на все начальство без разбора. Но лучше было об этом не думать.

Когда Сталин умер, Берия стал делать все, что мог в пределах своей власти. Но где кончались эти пределы? Управители безумия никуда не делись и конечно же не собирались сдаваться.

Елизавета Сергеевна шла по своим делам, когда сверху из репродуктора голос диктора сообщил, что арестован агент всех международных разведок Лаврентий Берия. Она со всех ног помчалась домой. Сергей лежал на тахте. Елизавета бросилась к нему, он был без сознания, но дышал ровно. В какой-то момент он прошептал: «Если бы я умер вчера, то все было бы хорошо». – Из глаз его покатались слезы. Он снова был без сознания.

Наконец он пришел в себя и сказал: «Лиза, прости, что я тебя оставляю. Но ты же все знаешь. Мне так будет лучше». – Елизавета целовала его и повторяла: «Да, я знаю. Тебе так будет лучше».

Сразу после кончины мужа Елизавета Сергеевна ушла со службы. Ей все же хотелось быть подальше от всеобщего ликования по поводу низложения Берии, да и пенсию она себе давным-давно заработала.

Народ стал жить лучше. В нем проснулась жажда вещей, особенно мебели. Но мебели было страшно мало, а стоила она страшно дорого. Такая, как некогда украшала квартиру

Мелик-Наджаровых, бешено подскочила в цене. Елизавета Сергеевна распродала то, что у нее еще осталось. Деньги шли по назначению, в комнатах становилось все просторней.

«Когда-то все равно придется отсюда съезжать, – думала она. – Чем меньше вещей, тем легче».

Дом, в котором жила Аллочка, тоже был уже не таким тесным. Какие-то из обитателей умерли, какие-то разъехались по стране. Когда Аллочка вышла замуж, Елизавета Сергеевна исхитрилась прописать туда ее свекровь. Одноэтажный дом было твердо решено сносить. При получении жилья свекрови полагалась целая комната.

Однажды она спросила:

– Елизавета Сергеевна, знаменитый онколог Наджаров вам не родственник? Александр Наджаров?

Сашу, двоюродного племянника своего мужа, Елизавета видела последний раз, когда он был подростком. Она знала, что он стал хирургом. Но, прожив долгую жизнь, она никогда не видела ни одного онкологического больного. Она знала, что это что-то очень страшное и неизлечимое.

– Говорят, он просто чудеса творит. И вообще он похож на вас. С больных никогда не берет ни копейки, и всем готов помогать. У него в больнице, в передней, всегда стоит целая толпа, и он после работы с каждым разговаривает. У моей сестры обнаружили... ну, вот это... Мы, конечно, тоже могли бы пойти с улицы, но всегда лучше через своих.

На следующий день Елизавета Сергеевна с обеими женщинами была у Наджарова, а еще через два дня оказалось, что у той ничего нет.

С той поры Елизавета Сергеевна зачастила в наджаровскую больницу и приводила с собой посоветоваться больных совершенно другого профиля. Ну и что? Настоящий врач разбирается во всех болезнях, а в чудесных возможностях Саши она нисколько не сомневалась. Наджаров посмеивался, но Елизавете никогда не отказывал. Он прекрасно знал, насколько они свои.

Аллочкин дом продержался еще довольно долго. За это время родились Мишка и Петька. Наконец, им всем дали аж трехкомнатную квартиру. Правда очень далеко, как говорится, на Кудыкиной горе, но Аллочка и ее мамочка считали, что расстояние любви не помеха.

Другим тоже давали квартиры, но крайне скупо и медленно. Ставили в какие-то очереди, в которых можно было простоять долгие-долгие годы. Возобновилось кооперативное строительство, с рассрочкой на десять лет. Первый взнос был совсем невелик для тех, у кого были хоть какие-то деньги. Но у большинства никаких денег не было.

Елизавета Сергеевна поняла, что ее пребывание в двухкомнатной квартире совершенно необязательно. Она затеяла многоступенчатый обмен, сооружала сложные схемы, строила цепочки. Вместо отдельной двухкомнатной квартиры она получала маленькую комнатушку. Правда, в соседстве с ней жила всего одна семья. Разница стоила изрядных денег.

На них Елизавета Сергеевна выкупила из коммуналок две семьи. Прежняя квартира находилась на втором этаже, теперь же, поднимаясь на четвертый этаж дома с высокими потолками, Елизавета Сергеевна даже не догадывалась, что это трудно.

Каждый день Елизавета Сергеевна навещала милые ее сердцу дома, нигде подолгу не задерживалась, попутно узнавала, нет ли у них в близком ли, дальнем ли родстве и знакомстве кого-нибудь, кому нужно было бы чем-то помочь. Хозяева наливали ей чай, угощали вареньем, предлагали попробовать что-нибудь свежее испеченное. Дома она даже не показывалась на кухне, соседней это очень устраивало, ее – тоже.

В тот самый день она позвонила год назад овдовевшей Розочке и сказала, что очень хочет, чтоб она сегодня к ней пришла. Когда Роза пришла, она нашла Елизавету Сергеевну бездыханной. Ее комнатка была так мала, что втиснуть в нее гроб было невозможно. Он стоял в широком коридоре. Когда его вынесли, родственники и знакомые, впервые оказавшиеся у Елизаветы Сергеевны, заглядывали в ее комнату. Там стояла кровать, столик и один стул. В углу на гвоздиках висела какая-то одежда, под нею большая картонная коробка. Больше не было ничего.

Провожали ее очень строго. Роза Сергеевна держалась как истая Мелик-Наджарова. Чиновная родня старалась от нее не отстать.

И только Аллочка шла за гробом, рыдала в голос и причитала: «Мамочка моя, мамочка моя любимая! Как я буду без тебя жить?»

26 февраля 2020 г.